

В XV столетии характер и тематика византийской историографии существенно меняются. Большинство исторических сочинений этого времени создано уже после падения Константинополя в 1453 г. и под непосредственным впечатлением от этого события. Осознание причин и последствий этой катастрофы для греческого народа стало основной задачей монументальных полотен византийской историографии. Свое внимание историки концентрировали главным образом на злободневных политических проблемах, самой жгучей из которых была османская агрессия. Помимо крупных исторических сочинений (Дуки, Кривоула, Сфрандзи, Халкокондила), о которых речь пойдет ниже, в исторической литературе поздней Византии имеются менее значительные локальные хроники, посвященные осаде Константинополя войсками Мурада II (уже упомянутый Иоанн Канан), захвату османами Фессалоники (Иоанн Анагност), Флорентийскому собору 1439 г. (Сильвестр Сиропул) и падению Константинополя³⁸. Неизменно значительный вес в исторических трудах того времени, крупных или локальных, занимает османская история, трактуемая в зависимости от политической ориентации того или иного автора либо как триумфальное шествие завоевателей, либо как цепь трагических катаклизмов в судьбе христианских народов Юго-Восточной Европы. Историки этого времени в отличие от предшественников не были связаны со столичными литературными салонами, за редким исключением не проявляли склонности к философским рассуждениям и богословской полемике. В большинстве своем они были выходцами из провинциальных кругов греческой знати. Они принимали активное участие в политической жизни разобщенных византийских земель, разделяя все тяготы их бедственного положения. Подобная сопричастность историческим событиям, ознаменовавшимся крушением империи и потерей многих духовных ценностей, казавшихся на протяжении тысячелетия незыблемыми, не могла не отразиться на мировоззрении историков, придав в ряде случаев особую полемическую направленность их трудам.

В этом отношении характерным памятником исторической мысли того времени является сочинение византийского писателя Дуки (ок. 1400 — после 1462) (*Ducas*. P. 28—29). Грек из Малой Азии, которая задолго до его рождения попала под власть османов, он провел свою жизнь при дворе итальянцев генуэзского подданства, властителей острова Лесбос, исполняя обязанности секретаря-переводчика и дипломата. Его дед Михаил происходил, по словам автора, из знатного рода Дук, был сторонником Иоанна VI Кантакузина и после его поражения был вынужден бежать из Константинополя в Эфес. Очевидно, семья писателя в силу житейских обстоятельств не смогла возвратиться в столицу и, разделяя участь всех эмигрантов, должна была поступить на службу к иноземцам: дед — к эмиру Айдына, а внук — сначала к правителю Новой Фокеи {289} Джованни Адорно, а затем к хозяевам Лесбоса — семейству Гаттелузи-Палеолог.

Тема труда Дуки — история завоевания османами византийских земель и борьба с завоевателями народов Юго-Восточной Европы. Сочинение соответствует жанру исторической хроники: события турецкой и византийской истории освещаются в хронологическом порядке с 1341 по 1462 г. Отступления от этого принципа крайне редки — лишь при необходимости объяснить причину какого-либо явления. Значительная часть труда посвящена описанию осады и штурма Константинополя и дальнейшей экспансии османов на Балканах, в Передней Азии и на островах Эгейского моря. Большая часть сочинения написана в 1453—1455 гг. Она обработана, производит впечатление завершенности: автор придерживался определенного плана, элементы которого хорошо скоординированы, расположение материала диктуется нормами логики, историк объясняет свои намерения, отсылает к предыдущему повествованию, к источникам информации; речи персонажей (с их аргументами и контраргументами) продуманны и не слишком длинны. Через все произведение проходит мысль о неминуемой катастрофе империи, и писатель стремится выяснить причины, почему Константинополь оказался поверженным. Скорбным, проникнутым искренним чувством плачем по городу, представляющим собой переложение библейского плача Иеремии на падение Иерусалима, намеревался сначала Дука закончить свою историю (*Ducas*. XLI), но, по его словам, победило желание продолжить повествование до ожидаемой им гибели династии Османов и краха их злодеяний (*Ibid.* XLII. 14). Второй раздел сочинения носит иной характер: это беглые заметки хрониста, в которых, одна-

³⁸ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 2. Aufl. B, 1958. Bd. I. S. 128—129, 159, 246—248, 320.*